

Понимаешь, как вольно пичуге в дали заревой...
По взъерошенной сини
 слезинка сползет золотая,
Чтобы в синь обратиться...
 И стать золотой синевой...
А когда закричит —
На скрещенье любви и печали,—
Сероглазая птаха, безвольно смежая крыла,
Ты пройдешь стороной...
И меня ты признаешь едва ли...
Но в душе отзовется,
Что боль стороною прошла...

* * *

Я боюсь одного — что когда-нибудь станет не страшно
Позабить, не терзаясь, что я обо всем забыл,
И назвать пустяком злобный выпад, совсем не пустяшный,
Так бескрыло подумав, что можно взлететь и без крыл.

И кривая дорожка со шляхом сольется отлого,
И уже не поймешь — где дорожка кривая, где шлях...
Будет просто тропа... Будет просто плохая дорога...
Будет сладкая горечь гореть на разбитых губах.

В оживленной толпе скоро станет совсем одиноко,
И поверится в то, что любимой давно ты не люб.
И — не глядя в глаза,— будешь помнить, что «Око за око!»,
И зубами скрипеть там, где зуб вышибают за зуб...

Все никак не поймешь, почему им и сытно, и брашно,
Почему веселятся с довольством на пухлых губах?..
Потому, что поверил — когда-нибудь станет не страшно...
И со страхом увидел бесстрашия подленький страх...

* * *

Этот край без конца и без края,
Где ты черной березе не люб,
Где шагаешь, судьбу прижимая
Мокрым шарфиком к стылости губ...

Где дыханье, белея, струится,
Ослепляя продрогший фонарь.
Где внезапно вспорхнет голубица
В эту высь, в эту ширь, в эту хмарь...

Где ты шепчешь, почти, как моленье,
Все стараясь не сбиться на крик:
«Оглянись же еще на мгновенье...
На полвзгляда... На вспышку... На миг...»

Этот край, где и время не лечит,
Где пытает встревоженный взгляд:
«И о чем ты кричишь, человече?..
Еле слышно... А стены дрожат...»

* * *

За все, что было — вдвойне плати,
И только себя вини...
Жена сказала: «В кафе ходи,
Но с той, где любви — ни-ни...
Все остальное — смертельный грех...»
Давно не дразня молву,
Зову нелюбых... А ты из тех,
Кого я не позову...

* * *

Годы уплыли... А что изменилось?
Тоненький прутик зачах.
Кто в это время, скажите на милость,
Думал о русских цветах?

Мчалось и корчилось время лихое,
С дьяволом было на «ты» ...
Вот и завяли цветы в травостое,
Вот и завяли цветы...

Не получилось понежиться в росах,
Родиной мучаясь впрок...
Так и остался всего отголосок,
Робкий и чахлый росток.

Так и остались следы ножевые,
Жизнь обращая во страх...
Так и остались цветы неживые
В память о русских цветах.

* * *

Не в смирительной рубахе, но смиренный,
Дернув ворот, что под петлями ослаб,
Ты растерянно проходишь над геенной —
Полу-ухарь, полу-нежить, полу-раб...

Пусть давно подперты колыями ворота,
Пусть не брита эта сизая щека,
Ничего тебе, родимый, неохота —
И соседи это знают, и века...

Только ухарем «пройтица» по ухабу,
Только выпятить чахоточную грудь,
Только цыкнуть на испуганную бабу,
Только сыто, после шкалика, икнуть...

Ну а следом и сама придет дремота,
И приснится размалеванная суть.
Ничего тебе, родимый, неохота —
Только выпить да чужое умыкнуть...

Разве к истине бывает путь окольный,
Хоть безумие и тьма со всех сторон?
Но с давным-давно забытой колокольни
Вдруг послышится небесный перезвон.

И почудится немислимое что-то
В том, как плачет растревоженная медь...
Ничего тебе, родимый, неохота —
Лишь за все это сражаясь, умереть...

* * *

Что-то кровь чернит и тянет жилы,
Бередит с рассвета до темна.
Так заворожила, закружила,
Так заледенела тишина.
И бредешь, спеша заворожиться,
Сквозь молчанья траурную медь,
Чтобы задохнуться, закружиться,
И свое — печальное — пропеть...

